

УЗНИК КОНЦЛАТЕРС ДАХАУ

АЛЕКСАНДР БАБИН

16+

Александр Бабин
Узник концлагеря Дахау

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Александр Бабин

Узник концлагеря Дахау / Александр Бабин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-95506-6

Иван с Татьяной накануне свадьбы мечтают о будущей жизни. Война с фашисткой Германией рушит их планы. Иван в первом же бою с другом Остапом попадают в плен. В концлагере Дахау доктор Мергеле над Иваном проводит опыты, на его теле скальпелем «рисует картины». Героев от смерти спасает работа в батраках у бюргерши. Конец войне. НКВД их как врагов народа отправляет в проверочно-фильтрационный лагерь Створ. В лагере отбывают наказание бандеровцы. Вынужденный с ними побег - жизнь висит на волоске. Иван, выйдя на свободу, у людей встречает недопонимание, считают его предателем. Сын Сема держит на него обиду: отец вернулся с войны без ордена и пилотки называет дядей Ваней. Только уход из жизни решит все его проблемы, находит для себя единственный выход.

ISBN 978-5-532-95506-6

© Александр Бабин, 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Бабин

Узник концлагеря Дахау

Глава 1

Иван с Татьяной встречали утро на верхней полке сеновала. Сидеть на лавочке у двора, когда с вечера покрапывал дождь, промокнешь. А тут сухо и лежать на свежескошенной траве одно удовольствие, не уступает той же перине. В деревне от людских глаз не скрыться, все на виду. Те же родители осудят: молодые до свадьбы легли в постель без их благословения, грех большой...

Гнедой зафыркал, замотал гривой и стал просовывать голову в расщелину дощатой двери, пытаясь вырваться из конюшни, видя, как дед Самойл вывел на поляну молодую серую кобылку. Ременной конской путой проворно спутал у нее ноги и ладонью хлестко ударил по ее гладкой холке. Лошадка отпрыгнула, встала, почуяв гнедого, задрала морду, ответив ему конским ржанием.

– Вот сосед беспокойшина в такую рань коня вывел, по нашему околотку больше некому. А ты что приумолкла, боишься моих родителей. Пусть смотрят, что скрывать-то, если в воскресенье свадьба прилажена. – Иван с теплотой в голосе прошептал слова Татьяне.

Гнедой не успокаивался, копытами бил землю.

– Орлик, тэр! Ты чего раздухарился, щас у меня хлыста получишь! – вполголоса прикрикнул он на него.

Татьяна приподняла голову, прислушиваясь, сказала:

– У тебя отец строгий, вдруг зайдет, со стыда сгорю. Не дай бог еще отругает, скажет, не можете до свадьбы потерпеть. И что ему ответить?

– Он еще спит, как проснется, первым делом выходит на крыльцо покурить, услышим. Тань, а твои волосы пахнут цветами, буду называть тебя ромашкой.

– Хм, ромашкой, чудно! Это ты щас в чувствах говоришь ласковые слова, а как обживемя, начнешь заглядывать на молодых девок. У мужиков всегда так бывает, когда своя баба надоедает, щи вам свежие подавай. – Татьяна укорила его без злобы.

– Я не такой. Ты у меня в деревне всех красивее, что в деревне – на всем белом свете! Голос, как весенний ручеек журчит, ей-богу говорю.

– Скажешь еще на свете, свет он ведь большой. Третьего дня на вечерках попадья рассказывала, будучи в девках к ней парень сватался. Хвасталась, все бабы на него заглядывали, а замуж вышла за попа, сказывала, он в то время овдовел, матушка при родах померла. Взяла его горемычного и пожалела. – Татьяна с легким затыгом вздохнула, – вон какая она, бабья доля, от судьбы, видно, не уйдешь.

– Судьба, скажешь еще! То-то я гляжу, уполномоченный в ваш дом зачастил, глазами на тебя так и зыркает. Того гляди сватов пришлет, а он и мизинца твоего не стоит. Люди про него нехорошее говорят, якобы по бабам ходок, еще властью прикрывается. Вот скажи, чего ему от твоего отца нужно, как в деревню наведывается, первым делом идет к нему, что других дворов ему мало? Еще петухом щеголяет в яловых сапогах, опоясавшись портупеей с сумкой наперевес. Бахвалится, нате вот поглядите, люди добрые, какой я есть отец ваш родной.

– Ревнуешь? А зря, повода не даю. Недавно на Троицу отец ему шкворень ковал, кошева у него сломалась, а тут ноне снова что-то случилось, целый день в кузне с ним провозился. Твой отец кузнец, а ему не помогает, а мой на все руки мастер, – высказала слова с бахвальством. – У уполномоченного в Куртамыше семья, а в волости там не забалуешь, все на виду, он же

партийный, отец о нем так сказывал. Надо же такое сказать – свататься, не люб он мне, глазенки хитрые, бегают как у поросенка, еще и завистливый: хаит начальство, а сам на его место метит.

Татьяна поцеловала Ивана в щеку, продолжила уже мягким голосом:

– Что мы все про него да про него, нам о своей семье надо подумать. Не за горами забеременею и куда мы в одной избе с прирубом уместимся. Отец тебе что говорит, где нам место отведет – в горнице или, как ребятишкам, на полатях приладит? – спросила, одарив его улыбкой. – И куда вы бабушку Прасковею денете? А она у вас с гонором, начнет меня учить, как блины печь, старый он как малый. Да и тесно у вас, а в моем доме нам жить нельзя, люди судачить начнут, мужик к бабе под подол спрятался, – поглаживая русый чуб Ивана.

– Тятя в приходе лавку разобрал, бабушку туда переселит, а нам в горнице угол отвел. Пригрозил, пока ребенка не родим, вино в рот не брать. Я даже при нем не курю, запрещает, говорит стыдно ему перед соседями.

– И вправду, чего закурил-то. А ребенка родим, он что твой дым будет глотать.

– Я и курю-то с мужиками за компанию, так, балуюсь, – оправдался Иван, а сам думал: и вправду что закурил, буду, как дед Самойл, на полверсты табаком вонять.

Иван нежно приподнял голову Татьяны, встал, потягиваясь, протянул слова:

– Да-а коротка июньская ночь, светло как днем, – спустился по лестнице, подойдя к Орлику, рукой оттолкнул его морду от двери. – Ну-ка посторонись, женишок. Надо же сосед у ворот барином уселся, паровозом дымит, никак в лес собрался, вот и коня вывел ни свет ни заря, – смотря в щелку двери. – Недавно мужики лесника крепко угостили, так он с пьяни раздобрился, разрешил чашу рубить у якунечевского болота. Сегодня с отцом к вечеру намерились доехать до места, а то народ быстро ее вырубит, где ногой сухо. Ноне полая вода разлилась весело, подтопила молодяжничок, подмокли корни. На моей памяти большой воды не припомню, старики говорят, год будет тяжелый. На прошлой неделе, на нижней улице мужики колодец копали. Нет, чтобы на пригорке его обустроить, решили поближе к реке, якобы там вода мягче. Так на жилу нарвались, вода фонтаном хлынула, копальщик чуть не утонул, вовремя ему веревку сбросили. Пришлось колодец закапывать. Сейчас на этом месте ручеек пробился, вода камень точит, с природой не поспоришь. Предки не зря деревню назвали Ключиками из-за ключей. Рядом с нашим покосом три небольших разлива, так в половодье вода берега подмыла под самый березняк. Деревья перекрыли русло, сухой ногой реку перейдешь. Опять же зимой бобрам раздолье, голодными не останутся!

– Знаю я ваши разливы, недавно с девчонками ходили за полевым чесноком и по пути зашли лицо умыть. На воду смотришь – темна, как сажа, да холодна, зубы ломит. А тут еще и водопады гудят, будто Илья Пророк по небу на колеснице ездит.

– Про Илью это вам попадья страшилки сказывала, веришь в церковные сказки?

– Верю, крещеная я, а ты что безбожник? – строго его спросила.

– Крест ношу, а вот душа как в клетке мечется, в школе учителя мозга поправили, ведь советская власть бога отменила, – непонятно сказал: в шутку или всерьез, что Татьяна тут же с напрягом ответила:

– То-то я смотрю у тебя дружки с отрубями в голове! Оказывается, Иван Плюхин собрался ехать в Алма-Ату учиться на художника. Ему что в колхозе работы мало?! Чудно! А знаешь, рядом с вашим покосом хвостом извивается ров, так в нем бьет родник из-под земли. Попадья говорит вода в нем святая, лечит от всех болезней. Умойся правой рукой только три раза и к тебе вернется просветление. Бог помогает тем, кто в него верит.

– Святая, скажешь еще! Пил я ее, и не раз, вода как вода, не отличить от той же речной. Отец как-то ей поил Орлика, получается, конь у нас сейчас святой! – Иван посмеялся над ее словами, продолжая смотреть в щелку двери. – Иди, лучше глянь на деда Самойла, сидит, покуривает, забросив ногу на ногу, не поверишь – летом и в валенках. Вот интересно, он когда-нибудь спит или, как наша дворянка Жучка, все время в дозоре?!

– Что на него смотреть, он не икона, – и слезла с сеновала, подошла к Ивану, нежно обняла его за плечи, прижалась щекой к широкой спине. – Вот родим ребенка, тебя обязательно в армию заберут, сердцем чувствую. Знай в вашем доме не останусь, к родителям перееду, – утвердительно проговорила она.

– Ты, как бабка Даша, наперед видишь свою судьбу? Пади ворожила на меня? А?! – смеясь, ответил он.

– Всем нам, девкам, по богатому жениху нагадала. На рождество даже черта видели в зеркале, нагишом шел по натянутой нитке, в руке горящая свеча, морда свиная волосатая, правда тебе говорю, вот те крест, – и перекрестилась. – Напугал нас до смерти, из избы выскочили табором, никто и не помнит, как валенки надели. Я неделю заснуть не могла, в глазах стоял.

– Сами виноваты. А бабка Даша свою бесовскую ворожбу добром не закончит. Мужики сколько раз затыкали соломой в ее доме печную трубу, а она опять за свое берется, как с гуся вода. Прямо сельсовет какой-то, шарлатанство ей же боком выйдет, черти ее саму из дома выгонят.

– Так она на свой дом отворот наколдовала, сказывала он у нее заговоренный, а власти к ней ни ногой. Попадья и то подтверждает ее колдовские чары. Недавно нас, девок, хитро расспрашивала, где ей взять лошадиную голову, хочет с ней обойти деревню, это чтоб все беды обходили ее стороной. Помнишь, еще детьми были, пожар полдеревни спалил. Как тут не поверишь в ее колдовство. У нее в сенцах на полках травы вениками сушатся, и все с дурманом.

Иван приоткрыл дверь в конюшню:

– Пора, а то и вправду отец нас увидит. Еще сосед не вовремя уселся пнем у двора, выйдем огородом.

Пройдя огородом, подошли к изгороди из жердей, Иван ловко перепрыгнул через нее. Татьяна, пролезая между жердями, платьем зацепилась за сучок:

– Чуть обновку не порвала, надо было идти порядком, прячемся, что цыгане лошадей крадут. – Татьяна недовольно высказалась, поправив на себе скомканное платье. – Я тут сама дойду, – поцеловала Ивана в щеку, отойдя на несколько шагов, обернулась. – Не стой пугалом, иди, а то и вправду люди увидят, греха не оберемся...

Иван, зайдя во двор с задних ворот, наткнулся на отца, он из деревянной кадки ведром черпал воду, выливал ее в птичье корыто:

– Отец, я управляюсь, чего ты за ведро ухватился, – Иван извинительным голосом проговорил слова.

– Ты лучше коня своди на реку, напой, в катке воды на доньшке, курам только. Что, забыл натаскать? – пробурчал в ответ, исподлобья посмотрев на сына.

– Не забыл, приду, полную налью, колодец в метре, – ответил ему, чувствуя за собой вину. Зашел в конюшню, Орлик как будто знал, что его поведут на водопой, мирно стоял и посапывал. Надев на него узду, повел по двору, по пути с рогатки взял ведро. Выйдя из ворот на порядок, крикнул деду Самойлу, он все еще сидел на лавочке у своего двора:

– Самойл Никитич, низкий поклон вам! – Хочу спросить ты, когда-нибудь спишь, ни свет ни заря вывел на порядок свою кобылу, всех соседей подняла горластая!

– Зимой выпитесь, – кх, кх, прокашлялся он в кулак, – подсядь лучше ко мне, покури маво табаку прошлогоднего сахарного, нынче при такой жаре ни вострастет крепким, год будет неурожайным.

– Некогда мне с тобой прохладиться, видишь, коня веду поить, за одним корчажку проверю. Два дня ее не смотрел, рыбы налезло – одному не унести, может, мне поможешь! – говорил с ним как с малым дитем.

– Помог бы, да тяжело на гору подниматься, я же в валенках. Гольян попадетсся, нам с бабкой чашку отсыпь, она сегоднястряпню завела, пирог спечет.

– Может, карасиков положить, все пожирнее.

– Пирог из гольянов вкуснее!

– А ты что летом валенки напялил, зиму ждешь, так еще рано, – продолжал подшучивать над дедом.

Иван попридержал коня.

– Вот доживешь до моих лет и узнаешь, какова она, ломота, в коленях. В империалистическую ногу поморозил, германец проклятый трое суток с окопа голову не давал поднять, с тех пор маюсь. Баня помогает, лечусь крапивным веником. Не пробовал париться крапивным веником, попробуй – до пят пробирает.

– У нас веники березовые. Крапивой, если что, ребятишек стегать, те, что в огородах пакостят. Сегодня с тятьей за чащей собрались съездить, Орлика вот только схожу напою. Хочу по-соседски предупредить: сушняк, что растет у якунечевского болота, не руби, если намеришься в лес, лесник его нам отвел, – решил разыграть соседа, узнать его дневные планы.

Дед Самойл, ничего не ответив, по-молодецки соскочил с лавочки и направился к своей кобыле, быстро перебирая ногами.

– Самойл Никитич, случилось чего? – Иван выразил свой вопрос серьезным тоном, сдерживая смех, видать, его слова, он воспринял за правду.

Дед бросил на него хитрый взгляд:

– Сижу, покуриваю, лясы с тобой точу, совсем из ума выжил, язви его! Я ж собрался подкосить жнивье для овечек, съезжу, пока солнце не разыгралось. Поймаешь рыбу, бабке занеси, – торопливо проговорил он слова, не ответив на вопрос.

Иван вслед ему улыбнулся, подумав, темнит дед. Напоив на реке коня, неся в одной руке ведро с пойманной рыбой, второй держа под уздцы коня, подходя к своему дому, увидел, как дед Самойл уже успел запрячь лошадь в телегу и шустро выезжал со двора в настежь праздные ворота. Не закрывая их, вожжами резко ударил кобылу, она встрепенулась и чуть не галопом помчалась по порядку.

В это время из ворот вышел отец Ивана, посмотрев на удаляющую упряжку, сказал:

– Чего это он такой ужаленный, видать скипидара глотнул, коня загонит?

Иван, улыбаясь, ответил:

– Разыграл я его, сказал, что лесничий разрешил нам чашу рубить. Ох и дед хитрый, говорит, что по холодку овцам травы подкосит, а сам косу не взял, стало быть, топор спрятал под фуфайку, сидел на ней орлом. Вернется, скажет, литовку забыл взять, чтобы не возвращаться, по пути чащи нарубил, а топор в телеге случайно завалился. Я вот смотрю на него: по годам он не старый, а ведет себя по-стариковски.

– Жизнь его потрепала. Он ведь побывал в германском плену. Что, не знал? Я еще молодой был, помню, как он вернулся с войны, еле ноги волочил, считай, на том свете побывал. Бабка у него с душой, это она его на ноги поставила. Хотя какая она бабка, в то время они моих годков были. Война, брат, не тетка, пирожками не угощает. Ты, давай, не переусердствуй своими шутками, не знаешь, какая у тебя судьба прикажет. Уполномоченный тут мне по секрету в кузне рассказал, только ты, сынок, наш разговор за душой оставь. Гитлер всю Европу на колени поставил. Волком смотрит в нашу сторону – коммунисты с жидами ему поперек горла встали. В военкомате списки призывников составляют, война начнется, сорокалетних мужиков первыми в строй поставят, те, кто помоложе, следующие. Вот оно как дело повернулось! Что примолк столбом, оробел от страха?!

Иван молчал. Первое, что ему пришло в голову, это слова Татьяны, его скоро заберут в армию. Бабка Даша напороочила. То ли и вправду она имеет колдовские силы, если в ее зеркале черти в явь являются.

– Брэ, – произнес он одно слово и потряс головой.

– Чего головой трясешь, не выспался? Мы с матерью в окошко видели, как вы с Татьяной, крадучись, выходили из конюшни. Понимаю, дело молодое, перечить не стану, девка она

справная, из работающей семьи. Правда, у нее отец с характером, власть недолюбливает. Ну да ладно, это его личное дело, ты не на нем женишься. Вот свадьбу справим, начнем вам избу рубить. Молодым лучше жить отдельно от родителей – семья крепче, слава богу, возможность появилась. Председатель ко мне относится с уважением, в посевную с уборочной в кузне днюю и ночую, обещал красным лесом помочь, отведет в горелом колке клочок непожженной сосновой делянки. Вот она какая Советская власть, помогает нам крестьянам! – и напыжился как петух, выгнув колесом грудь, дав понять, что он его отец, Петр Никифорович Есин, в деревне уважаемый человек, работает кузнецом, должность большая.

– Тебя, батя, не понять: властью любишься, а сам сказывал до революции у твоего отца свой лес имелся – руби, сколько захочешь. Вот когда вам надо было строить добротный дом, такой, как у Татьянинова отца. Три семьи не стеснят.

– Хотели ставить крестовой с сенцами, под железной крышей, так новая власть пришла, свои порядки установила, землю и лес отобрали. Помню, отец барином идет по лесу, а мы с братом Андреем гуськом за ним. Подойдет к березке, ее обойдет да обойдет не один раз, рукой погладит, как девку гладят, и скажет: «Пусть еще с годок подрастет красавица, а там посмотрим – рубить ее или нет». Во как берегли свой лес! У каждого леса хозяин имелся, сучка не найдешь, подчищали, как муку по сусеку! Летом топить печь дровами совестно и жалко, сухоподстоем обходились, где и соломой протапливали. Колотые дрова берегли на зиму, морозы под сорок, одной вязанкой не обойдешься. Я вот действительную службу проходил под Москвой, там погода мягче, но тоже не балует. Ветер продувает шинель насквозь, а буденовка у красноармейца так для форса, но русскому солдату приходится все тяготы терпеть. Ты порасспрашивай у Ильи Сапрыкина как мы с ним в кавалерии служили у самого маршала Ворошилова! Воевать не воевали, гражданская война закончилась, но тоже хлебнули вдоволь солдатской доли.

Орлик замотал головой, когда шмель, жужжа, повис над его ухом.

– Тэррр ты окаянный, – Петр Никифорович прикрикнул на коня и шлепнув ладонью по его морде. Он дернулся. – Закрой этого озорника в конюшню, сена брось с охалку, за чашей поедем, в поле покормится. Я дойду до кузни, с напарником для борон зубы куем, посевная прошла, много работы навалилось. Ты тоже на работу не опаздывай, вам, молодым, надо достроить ферму до холодов, скотины нынче много народилось, приплод под соломенным навесом в зиму не пустишь, померзнут. Председатель решил маслозавод запустить, возить молочку в Куртамыш за двадцать пять верст накладно. А масло, что с ним делается, посолил и в леднике год хранится, – чуть помолчал: – Ладно, некогда лясы точить, умывайся и к столу, мать картовницу испекла, в погреб слазь, крынку молока достань.

– Хорошо, только добегу до соседей, деду Самойлу гольянов обещал отсыпать...

Татьяна, войдя в свой двор, сразу проследовала в баню. В предбаннике разделась, зайдя в мочную, потрогала в котле воду, с вечера была еще теплая. Во дворе ласково залаяла собака, посмотрела в окно: из дома на крыльцо с кастрюлей в руках вышла мать. К ней подбежала собака и стала тереться мордой об ее ноги.

– Мухтар, фу, поготь, щас покормлю, фу, весь подол мне обслюнявил, – ворчливо она проговаривала слова, отталкивая его ногой, подошла к собачьей будке. Мухтар, виляя хвостом, крутился вокруг нее. – Тебя, боров, не покормить, пользы никакой.

Содержимое из кастрюли перелила в собачью миску и пошла в сторону бани. Татьяна приоткрыла дверь и, чтобы ее не напугать, опередила:

– Мам, тебе что воды набрать? – зная, что мать идет за теплой водой помыть кастрюлю.

– А ты что с утра в бане размываешься, опять всю ночь вечеровала? – с напором ее спросила.

Татьяна молчала. Мать покачала головой:

– Отец вот узнает твои похождения, опять наругает, но ты на него не сердись, для порядка стыдит, терпи. А вам с Иваном пора заканчивать крадучись женихаться в воскресенье свадьба,

успеете налюбоваться – жизнь долгая. Голодной на работу не ходи, зайди в дом, в чугушке каша гречневая с мясом. Вчера отец обкашивал огород, случайно курицу зарубил: видишь ли, место она облюбовала, гнезда в курятнике ей мало. А кастрюлю на речке помою, за одним в огуречнике польюсь. Корову я сама подою и отведу в табун. Долго не размышайся, вечером все равно баню подтапливать, слышишь.

– Хорошо, я недолго.

Татьяна, войдя в избу, застала отца за насадкой берестяных поплавок на рыболовную сеть. Он сидел на лавке у распахнутого окна, на подоконнике стояла фарфоровая кружка, из нее струйкой поднимался пар. Молчаливо посмотрел на дочь, взял кружку, неторопливо отпил пару глотков и снова продолжил работу.

Татьяна, как ни в чем не бывало, подошла к печи, ухватом достала из нее чугунок, деревянной ложкой наложила в тарелку гречневую кашу, села за кухонный стол и стала есть.

– Что ты ешь всухомятку-то, в чайнике шиповник запаренный, я его недавно подогрел, – отец мягким голосом нарушил тишину.

«Слава богу, пронесло с отчетом», – подумала Татьяна и налила в кружку отвар шиповника и чуть отпила:

– Чай сладит, ты что положил в чайник корни солодки? – подстраиваясь к отцовскому голосу, чтобы он ее не ругал. Значит, не догадывается, что провела ночь с Иваном. Во дворе имелся небольшой домик из сколоченных досок, и летом с подружками в нем часто вечеровали. Отец и сам допоздна в нем засиживался, заряжая патроны к своему ружью, готовясь к охоте. Отец старший в артели по заготовке рыбы и разной лесной живности. На окраине Куртамышша звероферма с чернобурками, песцами, норками. У него с товарищами по берегам озер выкопаны землянки, называют их ночлежками. А в лесах срублены избушки там все время проводят рабочие дни. Рыбу закатывают в деревянные бочки, круто солят. Отец говорит, зверьки с аппетитом едят их заготовки. Зимой капканами и петлями ловят зайцев, лис, осенью охотятся на дикую птицу. Звероферма отцу за его труд платит деньги, поэтому работать в колхозе за трудодни он не желает. Отец не пьет спиртного, не курит, охота и рыбалка для него отдых, и это его жизнь, так он говорит своим сыновьям, моим родным братьям Ивану и Афанасию. Братья почти погодки, восьми и шести лет. В деревне родителей уважают, величают по имени-отчеству – отца Семеном Ивановичем, маму Анной Николаевной, фамилия наша Сергеевы. Три года назад, по соседскому навету власти нашу семью обозвали кулаками, из волости внезапно пожаловали милиционеры. В хозяйстве кормились две коровы, так одну скотину с годовой телкой увели с собой. Расспрашивали отца, где прячет деньги, на что им ответил отказом. Обыскали весь дом, даже в подполе картошку перерыли. Не найдя денег, отца с мамой продержали всю ночь в сельсовете. Братья, а им тогда годков-то было и того и меньше, прижавшись ко мне, просидели до утра, смотря в окно. С тех пор отец к людям при власти относится настороженно. Кого он уважает так это нашего председателя сельсовета Василия Степановича, он за крестьянина стоит душой.

Семен Иванович встал и сел рядом с Татьяной:

– Мы с матерью со сватами на счет свадьбы ладком обговорили, стол накроем в их дворе, погода нынче позволяет. С нашей стороны придут тринадцать человек, только близкие, всех за стол не усадишь, полдеревни родственников. У сватов и того меньше, с подружками сама решай, без них свадьба не обходится, а у Ивана дружки. Ну да ладно, свадьба у человека раз в жизни бывает, а жизнь у крестьянина не сладкая.

Татьяна, чтобы не молчать, отцу ответила:

– Иван на свадьбу пригласил своего дружка Ермолова Михаила. Он ему хвастался – новую гармонь купил.

– А-а, Мишка! Он лихой гармонист, бабы все пятки себе отобьют, как на работу пойдут, если что, ползком. А, дочка?! – сказал с такой теплотой в голосе, что Татьяна, не сдержав эмоции, обняла отца, прижалась щекой к его щеке.

– Папка, как я тебя люблю! – заплакав.

– Понимаю, дочка, с родного дома да в чужой, но ты не унывай, мы с матерью тебя в обиду не дадим. Обижать станут, приду, за руку возьму и домой приведу. Что нам люди, пусть потом по дворам языками чешут, детей с ними не крестить. Все будет хорошо. Иван – мужик работающий, образованный, восемь классов закончил, вот внучат народите, всем радости хватит, ребятишки, они, сближают семью. Вон видишь, как у нас с матерью получилось: ты уж замуж выходишь, а твои братья еще босонята. А вот и они!

Из горницы вышел Иван, за ним следом Афанасий, не ответив отцу, шмыгнули в сенцы в открытую дверь.

– Вам что не спится, куда в такую рань собрались? – прикрикнул он им вдогонку. – Вот сорванцы, никак рыбачить собрались, – сказал уже себе под нос. – Пусть рыбачат, детство оно ведь один раз в жизни богом дается, его не вернуть. Взрослая жизнь совсем другая, если рядом человек не люб, долгой покажется. Мы вот с матерью живем душа в душу, и вы с Иваном постарайтесь прожить по-людски. Всякие трудности будут на пути, судьба она тетка ворчливая, бывает, приходит и с косой! Ты ешь, а то опоздаешь на работу. Пшеницу веете? Заходил к вам на ток, посевная прошла, а гурты на треть убавились. Прошлый год урожайный. Оно ведь как получается, год на год не приходится, дай бог нынче хлеб уродился, – отец задал вопрос и сам же на него ответил.

В избу забежали ребятишки.

– Пап, дай нам ботовуху, наша вся в дырах, – сразу же упрашивающим голосом спросил Иван, старший из братьев. Подошел к рукомоЙнику, висевшему в закутке у печи, и стал умываться. Афоня в очереди держал в руках полотенце.

– На вас сетей не напасть, зачем возле кустов их расставляете, там же коряги, на чистинке ставьте, удобнее.

– Так окунь в корягах прячется, мы вчера пробовали на удочку его половить, на чистой воде не клюют. Омуток нашли с окунем и карасем. С ребятишками уху сварим.

– В чем собрались варить-то, опять в материнном ведре, возьмите тогда уж мой котелок, он в малушке, только после ухи его хорошенько с песком помойте. Да ноги не пораньте об коряги, костер жгите на берегу, в лес ни ногой. Ясно или ремнем пройтись, – отец строго сказал, а сам улыбался.

– Ясно, – пробурчал Афоня и толкнул локтем Ивана. – Давай быстрее, – подавая брату полотенце.

– Да не торопитесь вы, поешьте, никуда от вас рыба не уйдет, вся в речке останется. Хочу спросить, вчера за огуречником наткнулся на решето, веревка к ней привязана. Вы что рябчиков ей ловите? Щас же уберите, в запале птенцов желторотых подавите, подрастут – зимой наловитесь. Кроликов не забудьте покормить, воды им налейте.

Иван, насупившись, посмотрел на отца:

– Пап, кролики нор нарыли, повыскакивали из ямы, бегают по всему огороду. Клетки для них надо сделать.

– Кролам жить в яме вольготнее и зимой теплее. Вы же на улице не живете, в избе на печи греетесь, вот и у них яма та же печь. У кролов копать норы в крови, а ваша забота их затыкать, тут уж с этим делом только так. Вы хоть их сосчитайте, а то к осени все разбегутся, все труды ваши коту под хвост.

– Пробовали считать, не получается, бегают друг за другом и в норы прячутся.

– Тогда ждите холодов, прибегут на кормежку, тут и сосчитаете весь приплод. Ваша любимая сестра замуж выходит, выделите ей на свадьбу несколько кролов, гостей угостит, не жалко вам их отдавать? – сказал с хитринкой.

Афоня ответил за двоих:

– Нет, не жалко, только мы сами ей отберем, пятнистых крольчат оставим на приплод.

– Значит, договорились, а ботовуху возьмите под навесом. Сеть на ночь не оставляйте, ондатры ее погрызут, проклятые.

Наступил день свадьбы. Гости подтягивались к дому новобрачных. Бабы и мужики, ожидая приглашения сесть за стол, стояли друг от друга отдельно. Успевали наговориться. Так повелось у русских людей, ведь в округе, как говорят в народе, татарина не встретишь, сравнить культуру общения не с кем, да и где ей быть-то, когда в середине прошлого века из центральной России на необжитую зауральскую землю пришли переселенцы. Срубили крепкие дома из двухвековых сосен, на самом высоком месте возвели церковь со звонкими бархатными колоколами. Обосновались крепко, умельцы смастерили ветряную мельницу, рядом поставили кузницу с механическими кожаными мехами. На общем сходе избрали старосту, наделив его властными полномочиями следить за порядком, а он, пользуясь уважением, организовал даже пожарную службу, каждой семье полагалось по очереди целые сутки дежурить – ходить по деревне и бить в колотушку. Колотушка – эта доска с привязанным к ней на сыромятную тетиву деревянным шариком. Жители, слыша трещотку, следили за огнем, вовремя гася его в печах и в банях. Такой уклад жизни продолжался до революции, пришла советская власть и установила другие порядки.

Дед Самойл, обустроившись на скамейке у дома новобрачных, куря самокрутку, рассказывал молодежи, как жили сельчане до революции: «Летом работали крепко, пахали, сеяли, заготавливали дрова, сено, а вот зимой для души устраивали отдых. Скотину в пригонах не поили, водили на реку, у проруби с мужиками курили, делились новостями. Женщины занимались бабскими делами: ткали половики, вязали варежки, носки, варили разные каши, щи, пекли рыбные и грибные пироги. Колхозов в то время не было, на работу ходить не надо, лежи себе на печи да семечки щелкай. Вечеровали, читали церковные книги, играли в карты. Бедно никто не жил, даже кабак имелся, – говорил с бахвальством. – Хозяин кабака морской селедкой потчевал, хранил ее в ледяном погребе. Гуляли в кабаке мужики в возрасте, тридцатилетних парубков за стол не пускали. Да они и сами стеснялись заходить, обходили кабак стороной, дома бабы молодые, дети малые, где им пить-то горькую. Вот как строго в то время было!» – повторял он такие слова.

– Тебе что, дед, советская власть не по душе, царева кнута захотелось, – пошутил над ним кудрявый парень, у него в ногах стояла гармошка.

– Кнут в Москве первопрестольной, все смуты от нее идут по России, нам, крестьянам, не до баловства, царь или советская власть. Хотя угодить под плеть мог. В двадцатом году колчаковцы ураганом нагрянули в деревню. По дворам пошли цыганами, курей забирали, гусей, а у кого и овечку. Я, считай, с германской войны инвалидом вернулся и то грозились забрать в обоз, на подводе снаряды подвозить на передовую. Они ведь тут рядом воевали, за Тоболом.

– Да ты, дед, оказывается, белогвардеец, свои лампы в сундуке прячешь?! – продолжал шутить все этот парень с гармонью.

– Я их обманул, в стогу три дня просидел, все мужики попрятались, никто против советской власти не пошел. Вон оно как! А ты говоришь колчаковец, молодой еще, припрут к стенке, пойдешь и черту служить. Я-то на своем веку повидал всякого, на телеге не увезешь, на две жизни хватит. Не дай бог кому такую судьбу, – и тут же крикнул: – Вот и жених пожаловал!

Из ворот вышел Иван, одет во все новое: темные брюки с подпоясанным кожаными ремнем, белую рубашку, на ногах коричневые туфли на шнурках.

– Мужики, немного потерпите, бабы заканчивают стол накрывать, – оповестил он гостей.

Дед Самойл с ответом всех опередил:

– А нам торопиться некуда, мы с бабкой управились, весь день впереди.

– Да ты, сосед, никак с утра угостился, глаза блестят?! – подтрунил его Иван.

– С устатку выпил, поправляю здоровье, я ведь ей ноги лечу. Сегодня на твоей свадьбе барыню отпляшу, бабам за мной не угнаться. Мишка, вижу гармонь у тебя новая, не порви меха!

– Ну гляди, дед, с круга сойдешь, стопки не получишь! – ответил гармонист, расплывшись в улыбке.

Свадьба весело гуляла несколько часов, но до ее окончания еще было далеко, последний гость мог задержаться и до утра. Родители новобрачных, как и полагается на русской свадьбе, первыми благословили молодоженов, пожелав им жить в любви, согласии уважать старших. Родня и гости тоже не остались в стороне, высказали теплые слова, прокричав неоднократно традиционное слово «горько». Молодые стеснительно целовались, угождая им. И ни по разу сходили на круг, гармонист обновил новую гармошку, она заливалась плясовой, барыней и подгорной. Бабам не хватило громкости звука каблуков, попросили мужиков снять с петель праздные ворота и положить их на землю. Каблуки выговаривали суть широкой русской души, а она готова раздать людям все, что у нее есть, и притом бесплатно.

По порядку быстрым шагом шел председатель сельсовета, ударяя ладонью по ноге, повторяя одни и те же слова: «Вот оно как...». Не дойдя до дома, где проходила свадьба, остановился. Из кармана пиджака достал кيسет, из обрывка газеты скрутил козью ножку, набил ее табаком, спичкой зажег. Дед Самойл, хорошо угостившись на свадьбе, сидел на лавочке у своего двора, отвалившись спиной на забор палисадника, заметив прохожего, крикнул:

– Василь Степаныч, идешь молодых поздравить? Уважаю! Дело государственное! Надо это, надо. Ивану досталась справная девка, да и он не хухры-мухры, вот она какая нынешняя молодежь! Властям спасибо! А я уже отплясался, ноги не держат.

Председатель исподлобья посмотрел на деда, недокуренную скрутку бросил под ноги и хромовым сапогом с силой ее затушил.

– Я что говорю, советской власти спасибо, – добавил дед, повысил голос, ожидая, взаимного приветствия.

– Оно, видно, и так, а как же иначе, – председатель пробубнил слова и пошел к дому новобрачных, так и не поздоровавшись. В створе праздных ворот остановился, не решаясь зайти во двор. Отец Ивана, заметив председателя, почти подбежал к нему:

– Василий Степанович ты, что ж у ворот стоишь как неродной, заходи, поздравь молодых. Вон они на крыльчке сидят, – кивнул в их сторону. – Воркуют голубками!

– Тут вот какое дело, – председатель межевался, переминаясь с ноги на ногу, на секунды замер, потом, как бы очнувшись, перебрал слова: – Что же я, как же, оно и верно, поздравить надо.

Петр Никифорович дошел до стола, взял стопку с водкой, подошел к председателю и отдал ему, он уже стоял напротив молодых. Молодожены встали, Татьяна поправила на себе свадебное синее платье в белый горошек.

– Иван и Татьяна, от себя и от правления колхоза от всей души поздравляю. Живите дружно, любите друг друга, рожайте советской власти колхозников, а работы в селе всем хватит, – и резко замолчал, держа стопку перед собой, не решаясь ее выпить. Морщась, все же с затыгом выпил до дна.

– Василий Степанович, пойдём за стол, что же мы у крыльца стоим, – ухаживал Петр Никифорович.

Председатель, подойдя к столу, снял с головы фуражку, комкая ее в руках, с болью в голосе сказал:

– Сельчане, тут вот какое дело: к нам в дом пожаловала проклятая война, – с трудом выдавил слово «война». – Гитлер сегодня утром напал на страну, уполномоченный только что от меня уехал. Вот оно как.

После его слов свадьба разом приумолкла. Председатель тоже молчал, смотрел на испуганные лица людей. Взгляд остановил на молодоженах. Иван прижимал к груди невесту, она, обмякшая, повисла на его руках.

Тишину нарушил гармонист, развернув на полную гармошку:

– Как родная меня мать провожала – а – а, тут и вся моя родня набежала. Ах, куда ты, паренек, ах, куда ты – ы. Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты, – весело пропел он слова из известной песни.

При слове Ванек Татьяна всхлипнула и громко зарыдала, гармонист на секунды замолк и тут же раздухарился:

– Мужики, бабы, мы на свадьбе или справляем за упокой! Ну и война, что из этого, лиха беда начало! Красная армия всех сильнее!

Председатель его осек:

– Немец, он тебе не японец, силенок у него поболее, с гармонью наперевес его не одолеешь. Сейчас главное скажу, уполномоченный от военкома привез список, он у меня в сельсовете. Мужики, к шести часам подходите, зачитаю, хотя и так его помню, – обведя глазами людей. – Петр Никифорович, готовься, тебя в первый эшелон внесли, завтра к обеду приказали прибыть в военкомат. Собери что в дорогу на первое время, а как оно там будет, кто его знает, может, и до войны не доедешь. Немца выкинут за шиворот, привезешь нам победу. Завтра всем селом торжественно проводим призывников, выделим подводы, сбор у конторы.

– А я в том списке есть, – не успокаивался хорошо подвыпивший гармонист.

– Вы с Иваном вторым эшелоном идете, дату военком не указал, – посмотрев жалостливо на жениха. – Может, с утра пришет новый список, щас жизнь пойдет по-военному. У меня бабы на вас надежда, колхоз останется без мужиков, в список вписаны кому восемнадцать исполнилось. А некоторые на подходе, так что опустеет деревня. Лошадей приказали держать наготове, заберут на фронт, на быках и на коровах придется управляться. Пойду по дворам, как бы чего, – недоговорив, пошел со двора, все, молча, смотрели ему вслед, понимая, на его плечи ляжет жизнь в селе.

Петр Никифорович подошел к молодоженам, стараясь их подбодрить, сказал:

– И вправду, что же мы про гостей забыли. Сейчас уже ничего не изменишь, дорогие гости, давайте к столу, – приглашая их рукой.

Люди, как в замедленном кино, молча усаживались за стол. Иван с Татьяной, обнявшись, продолжали стоять. Никто из гостей уже не кричал им «горько», понимали – это лишнее, все думы у всех были о войне.

Гармонист подошел к молодоженам, положил руку на плечо Ивану и хвастливо сказал:

– А я не буду ждать второго эшелона, завтра же пойду добровольцем. Из ружья в утку на лету попадаю, что же я в немца-борова промажу, перья ему поощипаю! Иван, что нам ждать повестки, к тому времени война закончится, поможем нашим отцам, трое, двое – не один! – пытаюсь шутить, хоть как-то поднять настроение у людей.

– Я тебя не отпущу, – прослезилась Татьяна, прижимаясь к Ивану.

– Все наладится, ну что ты, успокойся, – Иван попытался найти правильные слова, но не мог, понимая, если товарищи пойдут добровольцами на войну, ему оставаться в стороне нельзя, что подумают люди, под бабью юбку спрятался. Непригоже русскому человеку в кустах прятаться. А что скажет сосед, дед Самойл, старый вояка, измельчал русский народ, как потом жить в деревне, на порядок не выйдешь, от стыда сгоришь.

Гармонист, взял в руки гармошку и задорно заиграл плясовую, но никто из гостей не вышел на круг. Какое-то время еще поиграл и вдруг как будто протрезвел, отложил инструмент, подсел к отцу Ивана:

– Дядя Петя, одолеем мы врага, не может быть, чтобы правда была не на нашей стороне. Сталин, он ведь знает, что делать? – произнес повзрослевшим голосом, что все гости уставились на него. Повзрослел на десяток лет, понимали люди, понимал и он, стыдясь недавнего ребячества. Ведь там, на войне молодые парни, такие же, как и он, в это время воюют с врагом. И в эту минуту кто-то получил смертельную рану, лежит на поле боя, истекая кровью, и думает, неужели это конец жизни, но это не справедливо, его ждут дома мать, отец, любимая девушка. Он ведь еще молодой. Почему бог допустил такую несправедливость, человек должен умереть своей смертью, а не от пули. И почему эта пуля досталась ему, а не тому солдату, кто сейчас в атаке. И кто на этом свете решает, кому жить, а кому умереть.

Петр Никифорович по-отцовски посмотрел на гармониста, потом на молодых, на рядом сидящую с ним супругу Анну Андриановну с заплаканными глазами. Ему почему-то захотелось взглянуть на небо или от того что там за холмами слышны раскаты грома, а может, его душе захотелось попрощаться с ключанским небом. А такого красивого неба нет на всем белом свете, на голубом покрывале плыли белые кучерявые облака, и они так близко, стоит только подпрыгнуть – дотронешься рукой.

Семен Иванович прервал его думы:

– Сват, сейчас дождь подойдет, ишь как молния разыгралась, вымокнем, столы в дом надо занести.

– Пожалуй, – подумал вслух Петр Никифорович и встал, не переставая думать, как без него и сына справятся с домашним хозяйством жена, престарелая мать, сейчас прибавилась невестка. Если что помогут соседи, так мужиков под корень заберут на войну, если что дед Самойл и его возраста сельчане, но они им не помощники, самим понадобится помощь.

Гости как бы ждали команды хозяев застолья дружно вставали из-за стола и по очереди подходили к молодоженам, поздравляя и в то же время, извиняясь, решили покинуть свадьбу. Все понимали: Петру Никифоровичу завтра идти на войну, ему нужно отдохнуть, собраться в дорогу. Мужики, уходя, вернули ворота на их законное место. Там, за воротами, осталась спокойная размеренная жизнь, какая она будет завтра, никто не знал...

Утром следующего дня призывники собрались у конторы. В сторонке их ожидали подводы. Председатель сельсовета торжественно прочитал напутственную речь, наказав с честью защищать родную землю, не осрамить своих отцов и обязательно вернуться живыми. Призывники решили пройти по деревне пешком, попрощаться с родными местами. Выйдя за околицу, остановились у кромки леса, и каждый завязал узлом ветку березы. Узел для них станет оберегом, если сохранит свою форму, солдат с войны вернется живым. Эту традицию придумали не они, а их отцы, уходя на первую мировую войну. Сейчас тот же враг топчет русскую землю...

Прошло две недели войны. Поздно вечером в дом Ивана постучался председатель, войдя в избу, снял фуражку, встал у порога. Иван, посмотрев на его мрачное лицо, понял, вот и подошла очередь и до него идти на войну.

– Здравствуй, извините, за столь поздний визит. Иван тут вот какое дело, я только что от военкома, с утра за тобой машина подойдет. Повезут сразу в Курган, по пути из соседних деревень мужики подсядут, – сразу изложил суть своего прихода. – На железнодорожном вокзале формируется состав из зауральцев. Вот оно как получается, военком так и сказал: «Красная армия не может одолеть немца».

Первая запричитала Анна Андриановна, за ней бабка Прасковья. Татьяна, выйдя из горницы, второпях проговорила:

– Я добегу до родителей, – и выскочила из избы.

– Может, и не придется тебе повоевать, столько народу на фронт мобилизовали в первую партию, миллионы. Дадут немцу прикурить! – решив смягчить разговор, смотря на мать Ивана и на бабушку Прасковееву. Они, прижавшись, забились в угол под божницу. Свет от керосиновой лампы освещал лик иконы Иисуса Христа, его глаза смотрели на него. Подумал: наверно, господь им не доволен, принес в дом горестные вести.

– Дядя Василий, вы уж моих не оставляйте, помогите, если что. Тесть, конечно, поможет, мужиков в округе скоро всех позабирают на фронт. А из нашего села еще кого призывают? – с надеждой спросил, приходя в себя, начиная понимать, что, может, и не вернутся с войны. Если отцы за две недели не смогли победить немца. Значит, и не так все хорошо на фронте, как пишут в газетах – враг остановлен и скоро будет разбит. Дед Самойл тут на лавочке рассказывал, что немца нахрапом не возьмешь, у него все по полочкам расставлено, аккуратный гад.

– В этот раз тебя одного призывают. Военком сказал, сначала курс молодого бойца пройдете, оно и правильно: не обстрелянных солдат и в пекло, какие из вас вояки, пушечное мясо. Я вот в армии служил, имею кое-какой опыт, просил военкома послать меня на фронт, сказал, пойдешь в последнюю очередь, страну кормить надо. Скоро на полях тоже фронт развернется. Бабами командовать буду, вон оно как, – и сел на скамейку у печи. – Несколько ночей не сплю, посеять посеяли, а вот кто уборочную отведет, к осени в деревне останутся из мужиков я да дед Самойл со своим взводом стариков. Не собери вовремя урожай, говорить тебе не надо, органы приедут и арестуют, сейчас с этим делом строго. Анна Андриановна, я в избе покурю, – спросил разрешения.

– Кури, – безрадостным голосом ответила она ему, подошла к печи и открыла вьюшку, взяла спички и разожгла в печи дрова:

– Хлеба тебе, сынок, в дорогу спеку, думала с утра испечь. Соли, соли, не забыть положить.

Иван не сводил глаз с председателя, он закручивал козью ножку, ему тоже захотелось покурить, но вспомнил: дал обещание жене не курить. Представил, как они будут прощаться с женой, какие сказать ей слова, пообещать вернуться живым. Наверно, так и надо говорить. А если вернется инвалидом, вот как дед Самойл ноги еле волочит, примет ли его. Она девка молодая, что всю жизнь будет маяться с калекой. Дурные мысли лезут в голову, а времени совсем не остается.

Иван рукой дотянулся до полатей и достал матерчатый брезентовый мешок:

– Дядя Василий, я готов идти воевать, собрал тут на первое время: бритва, кусок мыла, портянки, жена нитки с иглой положила, – говорил, нервно перебирая слова.

Председатель, видя волнение Ивана, хотел его подбодрить, но не стал, наигранно сделает, еще больше разволнуется.

В дверь вбежала Татьяна и сразу повисла на плечах Ивана, зарыдав, только что осознала: случилось то, чего боялась, может, прощается навсегда. Жгло в груди, не хватало воздуха. Иван, глядя ее волосы, прижимая голову к груди, повторял слова:

– Тише, тише, что вы раньше меня хороните. Вернусь я, обещаю.

Бабушка Прасковеева начала молиться, читая полупшепотом молитву.

– Ну вот устроили реки слез, дядя Василий, успокойте вы их.

– Бабы, и вправду, что же вы солдата слезами провожаете. Нехорошо это, как-то не людски. Ему воевать идти, давайте без этих, – не успел договорить, как в избу зашел Семен Иванович, за его спиной стояла жена.

– Здорово председатель, – недовольным голосом поздоровался он с ним, сняв с головы фуражку. – Это что же такое получается, военкомат всех под гребенку подчищает, нельзя ли Ивану броню дать, недавно женился. Совесть она хоть какая-то должна быть или что советская власть ее растеряла, – с напором проговорил он слова.

– Семен, щас такая неразбериха идет, дай время. Может, и не придется Ивану повоевать. Красная армия у нас на что. Значит, так надо, не нам решать Сталин мужик с головой, наверно, заранее предусмотрел, как оно будет, если война, – говорил спокойным голосом, как будто негативные слова в отношении советской власти его не задевают. – Военком сказал, пока тяжело Красной армии приходится на фронтах, немец исподтишка напал, дружбу с ним водили, а он, видишь ли, что учудил, города бомбит. Я тут представил, а если бы фашист в нашу деревню пожаловал. А? То-то же! По дворам ходил хозяином, а оно всякое может быть, напьются самогона и на баб наших полезут петухами. И что ты сделаешь, с вилами в атаку пойдешь?! Не мы одни воюем, вся страна сейчас на ногах. Ты что думаешь, мне легко ходить по дворам. В плуг меня запряги вместо коня, поле бы спыхал, лишь бы вот так, – кивнув на Ивана. – Послезавтра сына провожаю на фронт, супруга белугой воет, вон оно как, а ты власть хаешь.

– Ладно, Василий, не сердись, сгоряча я. Мне вот бронь дали. Поеду к военкому, буду уговаривать ее снять. Я же охотник, стреляю лучше, чем снайпер, а на войне такие навыки не маловажны, – сказал он, пропуская вперед жену, она прошла и села на лавку. – Тут вот какое дело, не хотел говорить, проверить не мешало бы. В сорочьем лесу ты же знаешь, оно болотистое, в середине есть холм, свежая землянка выкопана с лежанками. Людей не встретил, но видно строили ее не охотники. Я же всех охотников в округе знаю, да и их-то раз-два и обчелся.

– Ребятишки пади играют, сколько вон по буграм землянок у них понарыто. В детстве сам не одну копал. Мальцы озорничают, больше некому. Или ты думаешь – цыгане, а загона для лошадей поблизости не видел?

– Нет, не видел, может, еще построят. Землянка дней пять назад выкопана, земля свежая.

– Цыгане, больше некому, вот сукины дети, щас глаз да глаз нужен, конюхов предупрежу, чтоб не спали.

В разговор вмешалась Анна Андриановна:

– Лошади – это одно, и скотину со двора уведут, не побрезгуют, надо срочно уполномоченному сообщить.

Председатель покачал головой:

– Оно и верно, это его обязанность за порядком следить, но ему сейчас не до цыган, идут первые дни войны. Мало ли что у людей на уме, с гражданской войны осталась контра недобитая, начнет народ баламутить. Не дай бог, красного петуха пустят на колхозные поля. Иван, завтра тебя провожать, а у самого ноги не идут домой, не могу смотреть, как жена убивается, – и вышел из избы.

– Сынок, ты бы поспал перед дорогой, ляг, отдохни, – мягко сказала Анна Андриановна, мешая деревянной палкой в миске тесто.

Иван посмотрел на часы-ходики, висевшие на стене около божницы. Стрелки показывали полдвенадцатого:

– В дороге выплюсь. Председатель сказал, что из зауральцев состав формируется. На поезде первый раз в жизни поеду, в книгах пишут под стук колес хорошо спится. Выплюсь, – и тоже сел на лавку, прижимая к себе Татьяну.

– Иван, и вправду приляг часок-другой поспи, – сказал с теплотой в голосе Семен Иванович.

– Пойдем, – повторила Татьяна, встала и пошла в горницу. Иван, повинувшись, пошел за ней...

Лежа в постели, Татьяна решила сказать важную новость для них:

– Ваня, тут я с девками мешки с зерном грузила, машину из Куртамышы прислали, может, живот потянула и такое бывает. У нас баб по-разному происходит, какой организм.

– Беременная! – радостным голосом чуть не прокричал Иван и начал ее целовать.

– Надо подождать неделю-другую, там видно будет.

– Напиши письмо сразу же, слышишь, – продолжая целовать жену.

– Куда писать-то, ты первый пиши, адреса твоего же не знаю.

– Береги себя, завтра председателю расскажу, пусть тебе работу подыщет полегче. Человек он обязательный. Как думаешь, сын у нас или дочка? – задал вопрос жене, не дав время ей ответить, сказал: – А не все ли равно, одним ребенком не остановимся, семья богата детьми. Вот вернусь с войны, срубим себе новый дом, ох и весело заживем! За стол гурьбой сядем, в чашках ложки запляшут гопаком.

– Председателю обо мне не говори, не надо торопить событие, счастье сглазим.

Иван с Татьяной еще какое-то время проговорили и заснули. Анна Андриановна под утро испекла хлеб, села на лавку и стала смотреть на часы-ходики. Стрелки в это утро шли быстрее обычного, ей показалось, что у них сломался механизм. Посмотрела в окно, над холмом засверкали первые лучи солнца. «Пора», – произнесла вслух это слово с тяжестью в груди.

– Ты чего, – поддела ее бабушка Прасковья, лежа на кровати.

Не ответив ей, зашла в горницу, и, осторожно ступая по половикам, подошла к кровати молодых. Они, обнявшись, крепко спали, рука потянулась к голове сына, захотелось погладить по его русым волосам, но убрала, думая, – пусть еще чуть поспит. Смотрела на его лицо, как бы запоминая, почему раньше не замечала, что сын так возмужал. Совсем недавно бегал по двору в сатиновых штанах, размахивая ракиевой палкой, крича на всю ивановскую: «Ура!». И вот ему скоро идти в атаку на настоящего врага. Может, сына спрятать в погреб, председатель придет, скажу, не знаю, где он прячется, а там и война закончится. Опять же уполномоченный и в погребе найдет, человек он с опытом, не зря в округе весь народ его боится.

Иван, как бы чувствуя взгляд матери, открыл глаза и прошептал:

– Мам, что пора? – от его слов проснулась и Татьяна.

– Сынок, светает, – смогла она сказать ему лишь такие слова, заплакав, вытирая кончиком платка на глазах слезы.

Иван встал с кровати оделся, подошел к матери и ее обнял.

– Мама, вернусь живым, обещаю. Сначала солдат учат воевать, время пройдет, я и до фронта-то не доеду, а там и война закончится, – веря, что так и произойдет. – Пойду, умоюсь, машина подойдет, а я не готов, подведу председателя.

– Сынок, поешь в дорогу, я тебе картошницу спекла, щас в погреб за молоком схожу, – заторопилась она, продолжая плакать.

– Я на двор пойду, за одним и слажу в погреб. – Зайдя на кухню, сказал: – Татьяна, а твои родители ушли, но скоро, видно, вернуться, по хозяйству управятся. – Иван пытался держать себя в руках, чтоб не расстраивать родных.

Иван, выйдя на крыльцо, широко разбросил в стороны руки и с упоением вдохнул утреннего прохладного воздуха. Подбежала собака, села напротив, повернув набок голову, высунула язык и стала смотреть на него.

– Что, Жучка, есть захотелось, щас тебе покормят. Ты давай без меня не балуй, за хозяйством присматривай, стереги двор. – Жучка, не спуская с него взгляда, облизывала языком свой рот. Подошел петух, опустил крылья и, клюнув собаке в хвост, отбежал и снова намерился повторить свой удар. – У вас друзья, когда мировая наступит, двор большой всем места хватит, – высказал им такие слова, обведя двор глазами. Новый дом поставлю на бугорке, как у отца. Дом, та же церковь, чем выше стоит, тем ближе к богу, – пришли такие мысли. Надо же какое интересное существо человек, идет воевать, не знает, что с ним завтра произойдет, а строит планы на будущее. Так его учили в школе учителя. Хорошие в деревне учителя подобрались, и школа большая, деревянная, спасибо властям. Дед Самойл рассказывал, раньше учили детей при церкви. За провинность батюшка ребятишек ставил коленками на горох, указкой по голове лупил, как коня подгоняют. В строгости учили. «Что же я, – произнес вслух, как бы

очнулся, – пора поторапливаться. Сходил по нужде и в катке с дождевой водой умылся. Спустился в погреб, сел на ступеньку лестницы, взял крынку, из нее отпил молока. Вот также, еще ребенком, утрами залезал в погреб и пил парное молоко. Перед смертью не напьешься, – это что же такое со мной происходит, как будто умирать собрался. Нет, надо гнать дурные мысли, еще нужно выдержать свои проводы. Рева будет на полверсты».

Вылез из погреба, пошел к крыльцу, как раз во двор заходили родители Татьяны и ее братья.

– Ребятишки, а вы что не спите, в такую рань встали?! – поприветствовал он их.

– Дядя Ваня, мы пришли вас проводить, – ответил младший из братьев Афоня.

– Тогда я вам дам наказ! У меня на речке у нашего огорода две корчашки стоят, так вы их снимите, некому их проверять, а то рыба протухнет.

– Мы щас сбегает, – и братья нырнули со двора.

Тесть Ивана тут же вслед ребятишкам пошутил:

– Им только скажи слово «рыба» и как корова языком слизала. Дружки твои подошли, у дома деда Самойла стоят. Ждут. Всем селом проводим.

– Вот еще людей утруждать, – Иван стеснительно ему ответил...

Автомобиль ГАЗ – АА или, как в народе его называют полуторка, остановился посередине порядка, напротив дома деда Самойла. Он сидел на лавочке, окруженный парнями. В кузове находились несколько призывников и с ними за компанию председатель колхоза.

– Василий Степанович, это что получается и тебя в армию забрали, так и меня бери к себе ординарцем! – дед Самойл решил подбодрить будущих воинов.

Молодежь засмеялась.

– Так ты на коня без табуретки не залезешь, если что стремя до копыт опустить, – ответил председатель также шуткой.

– Что-что, а на бабу залезаю жеребцом, – похвалил себя «ординарец». Молодежь еще громче засмеялась.

– Ну-у тогда скорей беги к супруге, скажи, чтобы галифе и хромовые сапоги из сундука доставала, не по форме ходишь летом и в валенках, – ответил председатель, слезая с кузова. – Мужики, Иван не подходил, – не успел договорить, как из своих ворот вышел Иван в окружении родных. На его плече висел мешок. Подойдя к машине, поздоровался:

– Здорово, мужики!

Призывники вразной с ним поздоровались.

Иван сначала попрощался с дружками, затем с родителями Татьяны, погладив по головам Афоню и Ивана.

– Ребята, дедушку Самойла рыбой подкармливайте, он из гольянов пироги любит. Сосед, пообещай, что меня дождешься, не умирай. Договорились?!

– Щас точно не помру. Бей германца, как я его бил, бежал, только пятки сверкали. Сам бы пошел на войну, да вот ноги, – показав на них рукой.

Иван обнял свою мать. Сдерживая себя, чтобы не заплакать, прошептал:

– Мама, я тебя сильно люблю, не обижайте Татьяну.

– Что ты, сынок, об этом и не думай, береги себя, – теплыми словами обласкала сына.

Ей стало плохо, дружки Ивана, взяв ее под руки, довели до лавочки.

– Ваня, я тебя провожу за околицу, – сказала Татьяна.

Иван запрыгнул в кузов, взял ее за руки и легко поднял. Сели на деревянную скамью. Призывники не спускали глаз с Татьяны.

– Красивая у тебя жена, – осмелился один из призывников.

– Она у меня самая красивая! Ромашка! – и крепко прижал супругу к себе.

Над головой закружила стайка ласточек, стрекоча наперебой. Иван поднял голову:

– Вы-то чего прилетели, пришли провожать?! Спасибо, ждите, обязательно вернусь, – сказал он им.

Ласточки, как бы услышав его слова, взмыли ввысь и закружились в птичьем вальсе.

Выехали за околицу, Иван ладонью постучал по кабине:

– Приостанови на минутку, – крикнул шоферу.

Шофер остановил машину. Иван спрыгнул с кузова, принял на руки Татьяну:

– Я, мужики, сейчас, – и быстрым шагом дошел до кромки леса и на березе, где его отец завязал из веток узел, рядом завязал еще один.

Вернулся к машине. Татьяна, сразу обхватила его за шею руками, не давая ему сесть в кузов. Иван, поцеловал жену, разжал ее руки и ловко заскочил в кузов, сдерживая слезы, сказал:

– Таня, я обязательно вернусь. Береги себя.

Машина тут же тронулась. Татьяна прошла несколько шагов и остановилась. Помахивая платком, смотрела на машину, пока она не скрылась за поворотом. Дошла до березы, где Иван завязал узлом ветку, всю ее оцупала, как бы оценивая на прочность, вдруг без причины развяжется. Прислонилась к ней щекой, поцеловала и медленно пошла домой...

Полуторка только к вечеру добралась до Кургана. По пути заезжали в три деревни, призывников набилось полный кузов. Как и говорил председатель, на железнодорожном вокзале формировался состав из зауральцев. Спрыгнув с машины, встали кучкой на перроне. Возле теплушек курили призывники, в хвосте поезда играла гармошка, слышались обрывки матерных частушек вперемешку со смехом. В глаза бросилась полевая кухня, чувствовался запах гречневой каши. Полный мужчина в гимнастерке с поверх надетым белым фартуком поварешкой накладывал в чашки кашу подходившим к нему гуськом призывникам. Недовольным голосом на них покрикивал:

– Добавки нет, добавки нет, вас что дома не кормили...

Шофер ненадолго отлучился, с собой привел коренастого старшего лейтенанта на вид за тридцать.

– Мужики, прощайтесь, дай бог еще увидимся, – попрощался шофер, завел машину и выехал с перрона.

– В шеренгу по одному становись, – скомандовал офицер, встав по стойке смирно, приподняв в сторону руку. Вышел на середину, встал лицом перед строем и громко скомандовал:

– Боец, подравняйся, – рукой указал на призывника, он на полшага выдвинулся впереди шеренги. – Равняйся! – скомандовал он, выдержал паузу, – смирно! Отставить! Все служили или есть новички?

– Есть, – ответили несколько призывников, Иван был в их числе.

– Итак вижу, не лево не право не знаете, – огорчился старлей. – В армии, что не умеете, научат, что не хотите, заставят. Слушай приказ, по перрону не шататься, наш вагон вон тот, – указал рукой на первый вагон-теплушку за паровозом. – Сейчас всем поужинать, чашки и ложки получите у повара, их заберете с собой. Ясно или повторить.

– Ясно, что тут непонятного, – ответил один из призывников.

– Предупреждаю, бардака не допущу, кто везет с собой крепкое, вылейте на землю. Сейчас в это трудное время для страны нельзя нам, ребята, гулять, немца надо остановить. Потом выпьем за победу, – уже сказал по-приятельски. – Зачитаю список, будьте внимательны, отвечать одним словом «я», и без всяких там тут, не знаем скоро подойдет. Гражданка для вас закончилась, вы – бойцы Красной армии. И помните, вас ждут родные, дисциплина – это ваше благополучное возвращение домой. Все вопросы решать через меня, если что не дай бог случится, живот скрутит, разные болячки вылезут, все через меня. Ко мне обращаться товарищ старший лейтенант. Фамилия моя Башлыков, величают Александр Васильевич. Я сейчас для вас бог, царь и отец родной, непосредственный командир.

И зачитал список, все отвечали одним словом – «я».

– А винтовки когда выдадут, – спросил призывник после проверки.

– Не волнуйтесь, без оружия никто не останется, как только пройдете курс молодого бойца. Все зависит от обстоятельств, сейчас на фронте каждый штык на счету. Обещаю, в тылу не задержитесь. Ваша задача научиться владеть оружием, гранатой, штыком. А сейчас всем строем ужинать и бегом к своему вагону. Состав полностью сформирован, ждем приказа на отправку. Это чтобы вы меня по сто раз не спрашивали. Ясно!

Дорога до Златоуста заняла несколько часов, так назывался город, куда привезли призывников для прохождения курса молодого бойца. Расселили по казармам, выдали военную форму: гимнастерку, кирзовые сапоги, пилотку, обрили наголо. Сразу же приступили к занятиям, утро начиналось с трехкилометрового кросса. Каждодневное прохождение полосы препятствий, умение рыть окопы, ориентироваться на местности в случае попасть в окружение к врагу. Прицельно стрелять из винтовки по мишени, орудовать штыком в рукопашной схватке, бросать гранаты по фанерному макету танка, обезвредить противопехотную мину, оказать первую медицинскую помощь, все, что нужно знать на первое время бойцу Красной армии Иван усвоил успешно. Подружился с серьезным парнем, кровати стояли рядом, тумбочку делили на двоих, решили держаться вместе. Солдату в одиночку прожить трудно, всегда можно положиться на плечо товарища. Шевченко Остап, так он ему представился, когда с ним познакомился. Рослый парень с улыбкой на лице, чуть темноволосый, со щербинкой в зубах. Родом из Украины, когда началась война, с отцом матерью и с сестренкой школьного возраста успели эвакуироваться. Жили почти на границе. Враг бомбил города, и они чудом спаслись. Останься они на оккупированной территории немец их не пожалел бы: у него мать еврейка, а отец украинец. Этого было достаточно, чтобы фашисты их расстреляли, ведь Гитлер ненавидит коммунистов и жидов. Поэтому Остап добровольцем пошел в военкомат и попросился на фронт бить врага.

Командиры разрешили солдатам написать письма родным, предупредив, чтобы в ответ не писали. В любой момент могут послать на фронт, и письма не дойдут до адресата. Иван отправил письмо Татьяне, описав, чем занят его день, с нетерпением ждет время, когда можно будет переписываться, но такая возможность появится только по прибытии на фронт. Но, как говорят командиры, к тому времени война закончится. Понимал расстраивать жену нельзя, вдруг она беременна.

Татьяна, получив письмо, прочитав и не на один раз, показав подружкам и соседям по порядку, радовалась, что ее муж живой. Ведь на двух жителей села пришли похоронки, на тех, кто был призван в Красную армию еще до начала войны. Нет весточки и от свекра, а так хочется многое рассказать, что произошло в деревне за последнее время. После того как пришли похоронки, один из призывников, испугавшись идти на войну, прятался в подполе, сделав себе потайной схрон. Ночью выходил во двор в женском платье подышать свежим воздухом. Уполномоченный его увез в Куртамыш, люди сказывают, дезертира судить не стали, отправили на войну. Председатель, обойдя все дворы, посоветовал не затягивать с заготовкой дров на зиму, лошадей заберут на фронт, а на корове много дел по хозяйству не сделаешь. Отец упрашивал военкома снять с него бронь. Но получил отказ, звероферма в это трудное время как никогда нужна государству, шкурки зверьков дорого стоят, и его рыболовецкая бригада с двойной силой должна помочь стране. Но хочется написать самое главное – она беременна, к рождению ребенка как раз закончится война. Так сказал дед Самойл, узнав о прибавлении в нашей семье. Он первым из жителей села, кто отвел свою лошадь в колхоз, дав всем пример, что, навалившись всем миром на немца, только так мы сможем его одолеть.

Как и говорил старший лейтенант на перроне курганского вокзала, призывники в учебном центре долго не задержатся, так и произошло. Не отбыв положенный трехмесячный срок прохождения курса молодого бойца, за два часа до подъема подняли по тревоге. Ничего не объ-

ясняя, старшина роты в каптерке выдал каждому плащ-палатку, матерчатый вещмешок, саперную лопатку, фляжку для воды, сухпак на два дня. На железнодорожном вокзале погрузили в вагоны-теплушки, все произошло так быстро, что всем стало понятно, их везут на фронт. Ивана с Остапом определили в один взвод. Путь до Москвы занял ровно двое суток, согласно выданному пайку. Поезд прибыл на Казанский вокзал. Сразу же погрузили на полуплатформы. Проезжая по улицам Москвы, Иван, рассматривая многоэтажные дома, мечтал, как он в письме родным опишет красоту столицы. Жаль, что не получилось посмотреть Красную площадь, о которой много говорили в школе учителя. Но это поправимо, они сейчас бойцы Красной армии, скоро пойдут в бой и прогонят врага с родной земли. Ведь так думают и его товарищи, если всю дорогу только об этом и говорят. Настроение у всех солдат боевое, едут защищать свою родину, смелости им не занимать. Приближаясь к передовой, колонна остановилась у кромки леса, командиры разрешили бойцам сходить в туалет. Еще не все оправились по нужде, как прозвучала команда: «Всем в лес!». С западной стороны слышались звуки самолетов. Иван с Остапом все время держались вместе оставив в кузове свои вещмешки, забежали в лес и пластом упали в канаву. Звук самолетов приближался, и вот уже слышен свист падающей бомбы, затем второй, третий. Первый взрыв прозвучал в голове колонны, потом еще один и так по всей веренице машин. Ветки, срезанные осколками от разорвавшихся бомб, падали с деревьев, как осенью листья. Иван, прижавшись к земле, закрыл ладонями уши, боясь приподнять голову.

Самолеты, сделав круг, вернулись, и снова прошли по колонне, сбросив оставшиеся бомбы, скрылись за горизонтом.

– Остап, ты живой, – Иван спросил друга, видя, как на нем лежала ветка. Встал и отряхнул с себя землю от разорвавшихся бомб.

– Живой, что мне делается, хорошо, что дерево не упало, – спокойным голосом ответил он Ивану, тоже сбросив с себя ветку. – Думаю, больше не вернутся, бомбы кончились.

– У командиров надо спросить, им лучше знать.

Остап вытянулся, прислушиваясь, сказал:

– Слышишь канонаду, это что уже линия фронта?

– Шас командиры скажут, пойдём, а то команду не услышим.

Вышли из леса, перед глазами предстала жуткая картина. На месте, где стояла их машина, зияла глубокая воронка, из нее шел пар, в стороне лежала искореженная рама, кабина отсутствовала. Сама рама и шины горели. Иван, уставившись на нее, подумал: странно, железо и горит. Ему не раз приходилось в кузне с отцом ковать металл, но такого еще не видел. И вдруг как будто протрезвел, в метре лежал с открытыми глазами боец с обгоревшим лицом, захлебываясь кровью, повторяя слова: «Мама, мама». Иван над ним наклонился и тут же отскочил, у него по пояс не было ног. А сквозь лохмотья дымящейся гимнастерки виднелись сочащиеся кровью раны. Иван нервно стал ощупывать себя, сначала потрогал живот, потом спину, ноги. Остап, видя его замешательство, спокойным голосом, сказал:

– Мне приходилось бывать под бомбежкой, когда с родителями убежал от немцев. От домов печные трубы торчат, под завалами стоны детей, и помощи ждать им не от кого. Кругом пылало заревом, и так по всей дороге.

Раненный боец замолк.

Остап к нему подошел и пальцами закрыл у него глаза.

– Нам, Вань, в этот раз повезло, на его месте могли быть и мы, видишь, – показал рукой на пылающие машины впереди колонны, повернулся назад. – И там убитые.

Подошли еще несколько бойцов, уставились на убитого солдата. Один из них проследил:

– Как мы будем воевать без вещмешков?

Никто из бойцов не ответил на его глупый вопрос.

Эхом прозвучал командный голос:

– Командирам собраться в середине колонны. Передайте по цепочке.

Бойцы продублировали команду.

Откуда-то вынырнули два усатых бойца с санитарными сумками наперевес:

– Бойцы, слушай команду: несите его вон к той березе, – в приказном тоне сказал один из них, подав новобранцам плащ-палатку, кивнув на кучку бойцов, они копали яму. – Ноги его поищите, если от них что осталось, – сказал спокойным голосом, как будто находится на скотобойне.

– Раненые, контуженные есть? – таким же спокойным голосом спросил второй санитар. Бойцы молчали.

– Понятно, от страха в штаны наложили, – ответил он за них. – Мужики, послушайте совета: близко к сердцу не принимайте, всех убитых на войне не пожалеешь, себя жалеите. Нарожен не лезьте, а то в первом же бою погибнете, с окопов голову не высовывайте, когда ведется обстрел из минометов, в основном они нашего брата солдата косят. Щас вам выдадут оружие, командиры планировали раздать на передовой, но, видно, она уже тут рядом, эта передовая. Слышите, разрывы снарядов, немец прорвал оборону, бои идут. Хотим предупредить: не вздумайте самострелом заниматься, доктора – люди опытные, сразу в особый отдел сообщат, а там трибунал. Лучше быть убитым в бою, ваши родные получат пайку от государства, а так – последнее отберут. Вы покурите, пока командиры совещаются, табак расслабляет проверено на себе.

Солдаты наперебой оживились:

– У кого есть табак. – Мой мешок в кузове остался. – И мой. – У меня есть.

Иван с Остапом тоже закурили, скрутив самокрутку.

– Обещал жене не курить, не сдержал слово, – оправдался Иван.

– Откуда она узнает, что ты курил, вернешься, не рассказывай.

– Слово дал, ждем ребенка, боюсь сглазить. Приедем в часть, домой письмо напишу, сейчас по сроку должно быть ясно как там у нее.

– Мужики, командир идет, – суетливо выпалил один из бойцов. Все куряки тут же побросали самокрутки.

– Бойцы, слушай команду, – прикрикнул на подходе офицер. – В хвосте колонны у старшины срочно получить оружие. Патроны с гранатами сложите в вещмешки, у кого они сгорели, потеряли, поделитесь с товарищем. Доберемся до передовой, там разберемся. В километрах пяти проходит вторая линия обороны, пока не ясно – немец ее прорвал или... – последние слова проговорил неразборчиво, пробубнив их под нос. – Выполняйте!

Бойцы гурьбой побежали получать оружие. Старшина каждому выдал винтовку, боекомплект патронов, по две гранаты. Вручая оружие, бурчал: «Берегите патроны, по воробьям не стреляйте, для вас винтовка – вторая жена, держите ее под боком. Гранаты налево-направо не разбрасывайте. Мотайте на ус».

Возвратились к разбитой машине. Солдаты заканчивали копать братскую могилу. Навстречу шли раненые бойцы, а кого вели под руки, в конце колонны для них выделили машину. Для некоторых новобранцев война закончилась, еще и не начавшись. Других подлечат в тылу, вернут в строй.

– Повезло мужикам, – сказал один из бойцов, тот, что шел рядом с Иваном. Остап чуть приотстал, ковырялся с оружием, щелкал затвором.

Иван вспомнил деда Самойла, это как сказать повезло или нет. Сосед с первой империалистической мается с ногами, еще не ясно, какие наступят последствия у раненых. Вернутся домой, а жены им с порога покажут от ворот поворот, вдруг там по мужской линии не все в порядке. Кто с мужиком-инвалидом жить станет. Опять лезут дурные мысли. Санитары предупреждали, надо держать себя в руках, в таких случаях расслабляет табак. Опять же дал обещание жене не курить, а рука сама тянется к закутке.

Мысли о курении сбита команда офицера распределиться по машинам. Пройдя вперед, часть бойцов потеснила в кузове солдат соседней уцелевшей машины. Ивану с Остапом пришлось пройти мимо двух исковерканных полуторок, чтобы найти свободные места.

– Ни че нас немец потрепал, доехать бы до передовой, да по зубам его прикладом. Товарища Кольку ранило. Мы с ним со школьной скамьи, – стал рассказывать один из бойцов. – Я им, гадам, все кишки выпущу, – не успокаивался смелый солдат.

– А куда его ранило? – поинтересовался рыжеватый парень.

– Ноги покосило, лицо зацепило, кровища, как из поросенка. Так-то грудь цела, главное, живот цел. Попади пуля в живот – тут как повезет, успеют санитары до лазарета донести, выживешь, нет, пиши богу за упокой. Санитар сказал: в атаку пойдете, пригибайтесь к земле, каска все тело закрывает.

– А как бежать в атаку, уткнувшись глазами в землю, споткнешься, воткнешь штык в задницу товарищу? – с недоумением переспросил «рыжий».

– Вприпрыжку, как заяц, скок да скок, – пошутил рядом с ним круглолицый казах.

Бойцы громко засмеялись.

Иван подумал: странно, каких-то несколько минут назад солдаты находились в паническом настроении и вдруг всего лишь одна шутка солдата и уныние как корова языком слизала. Странное существо человек, в школе учителя как объясняли: человек стал, кем он есть, пройдя эволюционный путь развития. Деревенский поп на проповеди говорил обратное, на земле все живое и неживое создано богом. Так зачем бог людей друг на друга натравливает, войны им разные устраивает. Сидит в кресле на небесах и смотрит, как им же созданные люди между собой воюют. Самолетов понастроили, танков, вот винтовка в его руках, раньше секли головы мечами и все для того, чтобы отнять жизнь у другого человека. Так он и сам своей смертью помрет, дай время. Наверно, бог так забавляется, это как в древние времена римляне устраивали гладиаторские бои. Пожил бы он в деревне, там воевать некогда: весной посевная, лето тоже в заботах – сенокос, огородные дела, заготовка дров, осенью вовремя убрать урожай. Гитлер – он совсем другое дело – городской житель, живет на всем готовеньком. Мечтает уничтожить всех евреев, тех же цыган, с мозгами только у него не все в порядке, они что ему плохого сделали, девушку любимую отбили? Да и нас, русских, включил в свой список, а мы с немцами почти одной крови и кожа белая, как лист бумаги. Поставь рядом – родные братья. А Гитлер явно по лицу – не немец, он себя в зеркале видел, турка завоеванный, так о нем отзывался дед Самойл, старый вояка, увидев его на странице газеты, готовя ее для своей самокрутки. Интересно, как он там поживает, как обычно сидит на лавочке в валенках и табаком дымит.

– Иван, ты что уснул, – спросил его Остап, видя, как он закрыл глаза.

– Родных вспомнил, как они там?

– О нас думают, ждут, когда вернемся. Вот приедем на передовую и дадим немцу под зад. Сколько можно отступать, за спиной столица. Нет, братцы, нам надо гуртом навалиться на немца, – крутя головой, говорил громко, чтобы слышали бойцы. – Мы что зря прошли курс молодого бойца! Стрелять научили, гранаты бросать умеем! Еще бы духу солдатского понабраться. Ну ничего, обвыкнемся, дай время!

Дорога до второй линии обороны прошла без приключений. Командиры распределили бойцов по ротам. Ивана с Остапом определили во взвод лейтенанта Суворова, его внешний вид выдавал в нем старого вояку. Выцветшая гимнастерка, зашитая наспех в нескольких местах, голенища у сапог в гармошку, как будто меха в кузнице. На голове солдатская пилотка песочного цвета, выцветшая от солнца. На ослабленном потрепанном ремне болталась кобура.

Он властно скомандовал строиться:

– Забудьте, что вас учили в учебке, сейчас я ваш учитель, ближе отца родного, – начал свое знакомство офицер, прохаживаясь вдоль шеренги. – Понимаю, моя фамилия вас смутила!? Не родственник ли генералиссимусу Суворову? Не вы первые над ней похихикали,

хочется верить, последними будете шутниками, дай бог останетесь живыми. Я третий месяц воюю, на носу сентябрь, четвертые сапоги сносил, из первого состава в строю осталось два человека – я да повар. Для чего это вам говорю, это чтоб на рожон не лезли, присмотритесь, не гонитесь за орденами, на небесах богу они ни к чему. А то сломя голову с винтовкой на танк попретесь, глаза по пятаку, – и как-то хитро посмотрел. – Открою военную тайну – танк вас победит. Сейчас главная ваша задача научиться воевать в окопах, они для вас дом родной. Поговорите с солдатами, они как раз после боя отдыхают. Фриц вчера сунулся, прорвал первую линию обороны, хотел взять нахрапом и наши позиции, но зубы обломал, отброшен на прежний рубеж, сейчас он отдыхает, у немца все по расписанию. А у солдата Красной армии есть время подготовиться к бою: привести в порядок оружие, боеприпасами припасть, да и про свой живот не забывать. Повару дана команда вас с дороги покормить, подождите пяток, а пока пойдемте знакомиться с окопами, тут они недалеко. Голову берегите, снайпера не спят, они страшнее танка. Вопросы есть?

– Родным, когда можно письмо написать, – спросил один из бойцов.

– Успеете написать, только с бумагой на передовой туго, поберегите ее для цигарок. Почта запаздывает, за полком не угнаться, уже как две недели отбиваем немца на этом рубеже, в любой момент перекинут на левый фланг или на правый и где прикажете почте вас искать? На отдых полк отправят, вот там всем родным и напишете.

Офицер еще раз прошелся вдоль шеренги, остановился около бойца небольшого роста, потрогал ремень на его винтовке.

– Подтяните ремень, с оружием будьте осторожны. Гуськом за мной марш, – скомандовал Суворов и пошел в сторону передовой.

Иван, идя, думал, точно такие же напутственные слова, как вести себя в армии, говорил в Кургане старший лейтенант и санитары пару слов прибавили. Стало быть, все командиры на одно лицо и он со временем станет похожим на них, хотя война быстро закончится, недолго осталось ждать конца. Завтра или сегодня они, новобранцы, покажут немцу кузькину мать. Главное, нет страха, странное чувство, легкость в душе. Ну, правильно, организм рвется воевать с фашистом.

На пути у кромки леса на пригорке несколько солдат копали большую яму. Иван подумал, землянку для жилья оборудуют, в сентябре ночи становятся прохладными. Поравнявшись, полноватый солдат в промокшей от пота гимнастерке крикнул:

– Мужики, помогите бойцов похоронить, они вон там, в ложбинке, лежат, – кивнул в сторону леса.

Лейтенант скомандовал:

– Выполнять!

– Иван с Остапом, взяв погибшего бойца за руки и за ноги, понесли к могиле. Все его тело, лицо посечено осколками от снаряда. Санитары предупреждали: бойтесь минометной мины, видно, она и есть эта мина, страшнее танка.

– Вань, что-то много погибших, не меньше взвода, а сколько раненых – рота, а может, и больше. Лейтенант, стало быть, говорил правду, из полка двое их осталось, он да повар.

– Пугал, чтоб мы на рожон не лезли. Я щас об отце подумал, его призвали в первый день войны, интересно, где первый бой принял. Может, в окопе встречу, а Остап, вот было бы здорово! – и тут же пришла такая мысль: на войне без году неделя, несус покойника, а уже смерть погибшего товарища воспринимается как должное. Неужели так быстро черствеет душа. Почувствовал холодок по телу. Нет, меня не убьют, – слова ударили по вискам, – такого с ним не произойдет, ведь дома ждет жена, а родится ребенок, кто с ним будет нянчиться, чужой дядя.

Придя на передовую Иван, увидев окоп, или, как говорил лейтенант, он для вас дом родной, воспринял его слова за шутку. Тот окоп, что видел в учебке, и этот – две стороны медали,

кругом обсыпанные брустверы от разорвавшихся мин, груды гильз, смятые котелки, пробитые от пуль каски, винтовки с согнутыми стволами, осколки от снарядов. В стенах окопа выкопаны ниши, в них кучками сидели солдаты. Ниша им служила вместо табурета. Кто-то из бойцов курил, кто-то забивал автоматный диск патронами, взгляд остановился на солдате – он сидел в одних трусах и иголкой зашивал дырки на галифе. Рядом с ним без головного убора седой капитан курил самокрутку:

– Что, Микола, целы твои прелести?! – он ему широко улыбнулся.

Солдаты засмеялись, один из бойцов с перевязанной головой пошутил:

– Товарищ капитан, прелести Миколу ни к чему, после войны собрался идти евнухом в гарем.

Солдаты еще громче засмеялись. Микола пробурчал:

– Посмейтесь, посмейтесь, завтра посмотрим, кто из нас евнух. Щас вы все герои, что-то я не видел, как ты, Степан, в атаку в полный рост шел, все на четвереньках полз, как дворовая собачка.

– Так я это для зарядки полз, чтоб не забыть, как на бабу залезть, – оправдался шутник по имени Степан, в звании младший сержант, с перевязанной рукой. Мужик коренастый.

Лейтенант Суворов подошел к капитану:

– Пополнение прибыло, – доложил ему, не назвав звание и не отдав честь, как положено по уставу.

– Маловато что-то командование выделило, они что там совсем с катушек съехали. Еще две таких атаки, как вчера, и от полка останется ты да я, да мы с тобой. Вояк распредели по окопу, правый фланг укрепи, там совсем бойцов не осталось, а я пойду командиру полка доложу. Надо же, – разведя руки, – мать вашу, они дали пополнение курам на смех, – выругался капитан и пошел, пригнувшись, по окопу.

– Мужики, снайпер как поживает? – спросил лейтенант.

– Постреливает, чтоб мы не дремали, – ответил без эмоций младший сержант, тот, что с перевязанной рукой. – Не дает трупы забрать, еще с денек полежат на солнышке, и без противогаза не похоронишь. Хитрый попался фашист, попробуем с утра его обмануть, пленный немец за наживку пойдет. Снайпер, видать, лежку поменял, где-то в лесочке хоронится.

– А почему особисту немца не сдали, может, ценный фрукт.

– Так особист вчера отдал богу душу, миной его накрыло, полголовы снесло. Фриц на время подсадной уткой побудет, вон он сидит толстяк, – показал на него рукой.

В метрах десяти, прижавшись спиной к стене окопа, на земле сидел тучный немец, переодетый в форму Красной армии, и грыз кусок сухаря.

– Корми его еще этого кабана. Это Петр не дал мне его кокнуть. – Степан повернул голову к солдату с сигаркой во рту, – видишь ли, руки он поднял, хэндэхох, мол, сдается. А как не сдаваться, когда бежать не мог, силенок нет такую тушу таскать, трактор нужен. Бросили его товарищи, так он решил прибиться к нам в полк на постой.

– Степан, разведчики ночи не спят, не могут взять языка, а ты сразу к стенке. Не годится так, – Суворов говорил с ним по-приятельски.

– Что его фашиста жалеть-то! Вчера эти свиньи убили моего земляка, из одного города мы. Я еще не забыл, как из окружения полк выходил и видел горы трупов. Фрицы расстреляли тысячи наших солдат, что-то в плен никого не брали. А тут сидит толстяк в тепле, за две щеки сухари уплетает. Корми его еще. Пусть меня трибунал осудит, не убьет его снайпер, пулю ему в лоб всажу с удовольствием. А то вернется с войны, нарожает таких же фашистов. Нашим детям придется с ними воевать. Я так думаю, чем больше фашистов мы убьем, тем лучше для России, спокойно проживем хоть какое-то время. За сорок лет второй раз с немцем воюем. Я и говорю, детям и внукам поможем.

– Степан, ты это брось фашистскую философию, я как бывший учитель истории тебе скажу, люди веками не меняются, все зависит, где ты родился.

– Вы, товарищ лейтенант, что-то в бою немца не жалеете, какая разница убьешь его в атаке или вот так у стенки кокнешь.

– В бою совсем другое дело, там все по-честному: ты его или он тебя, а так! – махнул рукой. – Русские люди никогда войной не шли, всегда оборонялись от врага, такая видать наша доля. И с пленными поступали достойно, мы же не папуасы.

Послышался с неба свист, вскоре в метрах ста прозвучал взрыв от разорвавшейся мины.

– Шесть часов, хоть часы сверяй, фашист ужинать пошел, – сказал Степан, посмотрев на ручные часы на ремешке. – Мечтаю посмотреть на этого часовщика, вторую неделю в одно и то же время стреляет. Видать нравится ему воевать. Нет их надо всех под корень, – вздохнув, еще раз напомнил об уничтожении всех немцев.

Лейтенант выпрямился и поправил сзади гимнастерку:

– Мужики, времени нет, принимайте пополнение. Знакомьтесь, может, и земляков встретите, ребята прибыли с Урала. Я вот родом из Ленинграда, пока не встретил родственную душу, не с кем побрататься. Пройдусь по окопу, посмотрю, куда кого распределить. Да, чуть не забыл, котелки помогите новобранцам раздобыть, повар обещал кашу подвезти.

Степан ответил за всех:

– А что их искать-то, вчера убитых под сорок, старшина – мужик запасливый, скажем, выдаст.

– У нас еще вещмешки сгорели, – сказал один из новобранцев.

– И вещмешки подыщем, вот с табаком у солдата проблема...

Говорливый солдат по имени Степан определил Ивана с Остапом к себе в землянку. Узнал, что Остап родом из Украины, а у него там родственники на оккупированной врагом территории, посчитал его земляком. И он сам с рождения украинец, в настоящее время живет в Омске, фамилия у него Олизко. Познакомившись поближе, они стали разговаривать на украинском языке. Иван, слушая их разговор, не мог понять, о чем говорят, кажется, слова похожи на русские, но некоторые режут слух. Особенно слово погано, поинтересовался у Остапа, что оно обозначает. Степан за него ответил:

– Москалям, – обозвав его таким словом, – язык врага запрещено знать, – ответил, улыбаясь.

– Украинцы русским братья, – Иван тут же ответил, восприняв ответ Степана серьезно, первый раз в жизни услышав слово «москаль».

Степан, видя, что его шутку боец не понял, сказал:

– У меня родственники живут недалеко от Львова. В прошлом году переехали из Омска, захотелось пожить на родине, еще в гражданскую войну перебрались в Сибирь, голод погнал. Так с тех времен ничего не поменялось. Хохлы не любят советскую власть. Во как!

Остап подтвердил слова Степана, назвав украинцев «поганым» народом, готовым за полущку хлеба продаться любому, кто первым поманит их сахарком. В придачу народ Украины веками находился под игом то под Польшей, то под Австрией, кровь перемешана на сто рядов, как и он сам наполовину еврей. Когда с родителями бежал от немцев, то их соседи, с кем делили хлеб, фашистов встречали цветами. Хохлы пострашнее любого врага, и он знает, какие разговоры велись в отношении русских, когда жил среди них. Спокойную жизнь на Украине обеспечивала твердая рука советской власти.

Иван, слушая Остапа, косо на него смотрел:

– По вам не видно, что вы плохие люди, вы надо мной шутите?

– Не дай бог тебе встретиться с хохлом по другую сторону баррикады, не пощадит, – ответил за двоих Степан. – А вот и командир! – сказал в то время, когда лейтенант Суворов зашел в землянку.

– Мужики, приказываю в дозоре не курить, потерпите, на левом фланге снайпер только что убил бойца. Нынче рано темнеет, сигарку далеко видать. Степан, решай со снайпером. Не получится завтра с фрицем, вечером по темноте сползайте в лес, понаблюдайте, если, конечно, немец в атаку не пойдет. Может, выходной себе устроит, сколько можно воевать. Разведчики за линию фронта ходили, фрицы танки подтянули к своим позициям. Опять же место тут болотистое. Увязнут. Если мы не удержимся, драпанем, путь один – пробиваться болотом. А дорогу в тыл фрицы нам перекроют, в этом они мастера. Вспомни, Степан, как в июле из окружения по лесам бродили, топи спасали. Как бы еще раз не пришлось, нынче у нас силишек маловато, немец потрепал полк. За месяц второе пополнение, а оно, видишь, как повернулось. Ты, Степан, солдат опытный, присматривай за новобранцами.

Иван, слушая командира, все больше осознавал: война одним месяцем не закончится. Сутки не прошли как он на передовой, а уже столько узнал нового и повидал, хотя в настоящем бою еще не был, не считая, налета самолетов на колонну. Какой будет завтрашний день, неизвестно, а еще ночь впереди. В землянке не хватало свежего воздуха, хотя вход наполовину завешан плащ-палаткой, солдаты по перемене ходят по нужде и покурить. Недалеко от окопа в ложбинке для этих дел отведено специальное место – поляна, окруженная кустами черемухи, поспевающие ягоды висели лишь на верхушке, внизу ветки сломлены под корень, видно, приятное совмещали с полезным. Иван после приема пищи, а повар приготовил гречневую кашу с тушенкой, побывав на этом «интересном» месте, вернувшись, Остапу сказал, улыбаясь:

– Остап, пойдешь ночью по нужде, не наступи на «противопехотные мины», без фонарика там делать нечего.

– А противотанковых не видел? – ответил, зевая, поняв смысл слов о мнимых «минах».

– Судя, как повар недоварил кашу, к утру будут. Ты что спать пристраиваешься, – Остап расстилал плащ-палатку на земляном полу, покрытом сосновым лапником вперемешку с пожухшей травой. Лег, под голову подложил кулак, сверху пилотку. – Как уснуть, если кругом стреляют, – Иван высказал вслух слова для себя. – А вдруг снарядом накроет, в землянке накат курицам на смех, пальцем ткни, насквозь проткнешь.

Степан, услышав слова бойца, в полудреме сказал:

– Зато от дождя спасение, землянка для солдата первое дело. Ночью в окопе как цуцик продрогнешь. Вы, ребята, спите, когда есть лишняя минутка, это спасет вам жизнь. Не дай бог уснете на посту, немец сцапает, рот кляпом заткнет, на загорбок взвалит, как волк овцу, и в свое логово унесет. Такое у нас часто бывает, как и наша разведка «овечек» носит. На передовой кто кого обхитрит! Бывает, вражеские окопы рукой подать, лица разглядываешь, фриц кричит: русь, сдавайся, мы в ответ: Гитлер капут. Тут весело, штаны только успевай суши.

Иван, выслушав нравоучения Степана, расстелил палатку рядом с Остапом, лег на спину, как и он, подложив под голову пилотку. Не успел закрыть глаза, как в немом кино замелькали кадры: горящая полуторка, большим планом обгоревшее лицо безногого солдата. Интересно посмотреть со стороны, как он предстанет пред богом без ног. Бог его грозным голосом обязательно спросит: «Ну и как тебя, солдат, угораздило потерять свои ноги? Я тебя для чего родил на свет божий, чтобы ты ими разбрасывался. Вторые ноги не получишь и не проси, я не старшина твоей роты, вот к нему иди и упрашивай». Солдат начнет оправдываться, мол, не виноват, это немцы отняли у него ноги. Да и он убит, мертвый человек. Предстать перед старшиной без ног – его сразу Кондратий хватит. Я же похоронен в братской могиле на его глазах. Что откопался! Нечистая сила! – с испуга закричит старшина. На земле люди в чудеса не верят. Бог, конечно, солдата простит и сотворит чудо, подарит новые ноги. Он же сам виноват в его судьбе, на земле все дела делаются с его божьей воли, та же война. Значит, так им задумано, чтобы мы, люди, осознали, на свете нет ничего дороже, чем жизнь человека, не ты ее дал не тебе ее отнимать. Бог войнами учит людей быть милосерднее, а немца создал по ошибке, кто

не ошибается. Вот поэтому нам, солдатам, Красной армии поручил уничтожить фашистов под корень, даже их детей, – Иван, последние слова произнес вслух.

– Вань, перевернись на бок, во сне говоришь, – попросил его Остап.

– Сон приснился плохой, – ответил ему, а сам подумал, уснул быстро, надо же заговорил Степановыми словами немецких детей убивать. Лейтенант прав: дети не виноваты, что у них отцы фашисты. Лучше засыпать с думами о родных, начну с жены, представил, как он ее целует, она шепчет на ухо ласковые слова, тело у нее теплое, запах ромашковых волос...

Иван проснулся от звука разорвавшегося снаряда, через несколько секунд, прогремел еще. Третий взрыв совпал с сонным голосом Степана:

– Видать, живой фриц, ни пуля его не берет, ни снаряд, хоть бы его понос пробрал, в лазарет отправили. Сам не спит и другим не дает, – говорил он о немецком минометчике. – Мужики, поднимаемся, скоро с обходом подойдет взводный, бриться, умываться, гимнастерки в порядок привести. И на войне надо оставаться человеком. Эй, фриц, ты живой, – крикнул в темноту, – просыпайся, не на курорте, – адресовал слова пленному немцу. – Печенкой чувствую, снайпер с ночи на охоту вышел. Жирного зайчишку мы ему приготовили и нам не сплоскать, не дать ему уйти. Обнаглел гад, где-то он недалеко хоронится. – Степан говорил о снайпере с азартом, как говорят охотники перед охотой на дикого зверя.

Иван, выйдя с Остапом из землянки, деля на двоих опасную бритву, выданную старшиной, их вещмешки сгорели в полуторке, аккуратно побрились, смотря в осколок зеркала в нише окопа. Привели в порядок форму, а она еще ноская, не как у старослужащих солдат, штопанная перештопанная.

По окопу, пригнувшись, в их сторону торопился лейтенант Суворов, поравнявшись, спросил:

– Олизко в землянке?

– Так точно, – отрапортовал Остап.

Лейтенант почти вбежал в землянку, Иван с другом проследовали за ним.

– Степан, фриц у тебя где? А вижу, живой, – посмотрев в темноту угла, свет от керосиновой лампы отражал лик человека. – Пленный немец сидел на карточках. – Срочно его доставь на КП. Обрадую тебя, разведчики ходили за линию, возвращаясь, наткнулись на снайпера, он и пикнуть не успел. Командир полка приказал обоим фрицев доставить в штаб.

– Какая тут радость, неудачный день, «охота» накрылось медным тазом, повезло тебе, Ганс, – огорчился Степан, бросив взгляд на немца.

Немец понял, что обращаются к нему, соскочил и начал тыкать пальцем себя в грудь:

– Их капрал Шульц, – говорил по-немецки.

– Понятное дело, что ты не фельдмаршал, одна хрень – басурманин. Давай поднимай свой жирный зад, шнеля. – Степан к нему подошел, резко ухватил его за шиворот и с силой толкнул в проход, добавив кулаком в спину. – Шевели копытами, – злился, что не он обезвредил снайпера.

– Мужики, как спалось на новом месте, перина не снилась?! – мягким голосом спросил лейтенант новобранцев.

– Привыкаем, – ответил за всех Остап. – А когда немцы воевать начнут, если у них все по расписанию, уже рассвело, пора наступать?

– Не терпится из винтовок пострелять, понимаю, не вы первые рветесь в бой. Дай бог будете последними. Настреляетесь еще, это я вам обещаю! Сейчас идите на свои позиции, понаблюдайте, присмотритесь, в атаку пойдете, в воронках прячьтесь, если минометный обстрел начнется. Первая линия обороны от нас в шаге. Одно ей название, та настоящая первая с укреплениями осталась далеко впереди, занята врагом. Здесь на передовой все перемешалось. А вот затишье хуже бомбежки, не знаешь, что фриц задумал, а он явно хитрит, если танки подтянул. Этажерка вчера летала над нашими позициями. Не зря, не зря, – лейтенант о

чем-то призадумался. – И еще, зарубите себе на носу: не вздумайте стрелять поверх головы, подстрелите бойцов, тех, кто побегут с первой траншеи в наши окопы. А то со страха натворите дел.

– В учебке нас научили воевать, – смело проговорил один из новобранцев небольшого роста, это тот «великан», которому Суворов посоветовал подтянуть у винтовки ремень, знакомясь с пополнением.

– У тебя, боец, как фамилия? – заулыбался лейтенант, смотря на его вид: гимнастерка на нем висела мешком, старшина выдал большего размера, в ней он выглядел смешным.

– Рядовой Богатырев, – бахвалисто отрапортовал и вытянулся, как гусь, пытаясь выглядеть выше, чем он есть.

Все бойцы и лейтенант залились громким смехом.

– Теперь я спокоен, оборону мы удержим. Правда, фрицам не повезло – рядовой Богатырев потомок Ильи Муромца, как побежит в атаку во весь рост да как крикнет ура, листья с деревьев попадают, земля сотрясется, – и тут же серьезно произнес: – Слушайте приказ: без всяких геройств, бойцы, нам всем надо уцелеть, война долго продлится. Мы еще спиной не уперлись, а нам врага гнать с родной земли. Кто за нас это сделает, наши деды? Столько людей полегло за эти месяцы – тысячи, поберегите себя, – и поднял вверх руку, слышались разрывы снарядов. – Началось, мать вашу, фриц артиллерию подтянул и нам пора. Всем в окопы быстро, – скомандовал лейтенант, – и первым выскочил из землянки.

Иван с Остапом прибежали на свою позицию, а это ответвление от основной траншеи. Земляной бруствер прикрыт сосновыми ветками, еще вчера старый солдат Олизко посоветовал оборудовать укрытие. Сказав для немецкого снайпера расстройство. Остап осторожно высунул голову над бруствером, прижав ветки стволом винтовки, стал крутить головой, высматривая врага.

– Вань, а немец трусливый, не идет в атаку, минами только хлещет. Мужикам на первой достается, поливает как из ведра, а мы, получается, им на подстраховке. Командиры нас, не обстрелянных солдат, берегут. А Вань?

– Бойцы, быстро ко мне, – раздался за их спинами сердитый голос.

Обернулись. Стоял старшина роты, в руках держал тяжелый вещмешок:

– Мать вашу, вы почему вчера гранаты не получили, убежали на радостях, – грозно выразившись. – С вещмешками много не навоюешь. Разноси вам их, чтоб это было в последний раз, баловство не потерплю. Уяснили?! – и уже мягким голосом сказал: – Я вам по две бутылочки коньячка выдам, танк или бронемашину штыком не возьмешь. Смелее бейте врага, ни дна им не покрывши.

И вынул из мешка противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Солдаты бутылки окрестили коктейлем Молотова, старшина назвал их коньяком и отдал бойцам.

Старшине на вид не было и сорока. Иван не спускал с него взгляда, у старшины лицо выглядело как решето, в мелких рывинах с темными крапинками. Иван подумал: до войны в шахте работал, осколки от угля лицо поранили.

Старшина ухватил долгий взгляд бойца, пальцев ткнул себе в щеку:

– В июле из-под Минска полк из окружения выходил, на минное поле наткнулись. В метре от меня товарища разорвало, а мне вот, – и снова потрогал лицо. – Все осколки ему достались. Вот как бывает на войне, берегите себя, сынки, – по-отцовски сказал и пошел дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.